

СЕРЕБРЯНЫЙ БРЕГЕТ

Телефон зазвонил настойчиво, требуя незамедлительного ответа. На звонки никто не отзывался, а я, полусонный, тупо отсчитывал тревожные сигналы: три... четыре... пять... семь... Звонки прекратились на восьмом. Мне было восемь лет, и это случайное совпадение ненадолго отвлекло меня от продолжения сна. Я успел вспомнить, что отец на дежурстве и стало почему-то интересно: мама успела подойти к телефону, или звонки прекратились сами собой? В спальне родителей они не так хорошо слышны, как в моей комнате. Оказалось, трубку взяла мама.

Мне почудилось, будто мелодия звонка, только что нервно носившаяся по комнате, застыла на мгновение в воздухе и внезапно посыпалась на деревянный пол ледяными осколками. На меня даже дохнуло холодком, и я посмотрел вниз, не сомневаясь, что увижу разлетевшиеся льдинки. Что это — продолжение сна, в котором я ел мороженое, или чудеса из вечернего мультфильма?..

Тихим голосом мама что-то ответила, а потом замолчала, вероятно, слушая чело-века на другом конце провода. Я не мог отчётливо разобрать её слов. Ветер за моим окном угрожающе хлопал створками. Мне бы его закрыть и заодно убрать со стола трехлитровую банку с ветками сирени, чтобы её не повалило, но неодолимая нега потянула обратно в сон.

То ли через минуту, то ли через час, я проснулся оттого, что мама грубо толкнула меня в плечо: «Вставай, пошли со мной!». Раньше она никогда так со мной не поступала. А я во сне досматривал реальную картину, как мы с отцом ловили ранним утром рыбу на берегу озера.

После повторного приказа: «Одевайся, идём со мной!» поверхность озера пошла зловещей рябью под резиновыми сапогами отца, стоявшего по колено в воде, поднялся густой ил, — и я открыл глаза. Полежал ещё минуту, тяжело возвращаясь в обстановку своей комнаты и сожалея о прерванной рыбалке.

Мама была уже одета. Через открытую дверь родительской спальни я видел, как она что-то доставала из чёрной сумочки и нерешительно возвращала обратно. Руки её дрожали, вдрагивали плечи, она всхлипывала. Я ничего не понимал, в голове пульсировало только её повеление: одеваться и следовать за ней.

Я надел шорты и, натягивая на ходу футболку, в тёмной прихожей ногой нащупал кеды.

— Ты можешь быстрее? Сколько можно завязывать шнурки? — снова прозвучал мамин голос.

Когда мы вышли со двора, боковой ветер так сильно по нам ударил, что мама качнулась в сторону и наступила на мою ногу. Я вскрикнул, но она не заметила своей

неосторожности. Ветер трепал подол её платья, распахивал кофту, и она одеревеневшими пальцами нервно вставляла пуговицы в прорезные петли. Затем, борясь с воздушным потоком, закрыла металлическую дверь ворот, и мы пошли.

На пустынных улицах темень. Освещения не было ни в домах, ни на фонарных столбах. В посёлке перед бурей всегда отключали электричество. На такие случаи у всех были керосиновые лампы, однако ночью ни в одном окне не было света.

Ветер швырял в лицо зернистую пыль, мелкий мусор и листья. В конце квартала с кровли углового дома он вырвал металлической лист, поднял его вверх, покружил и с грохотом бросил в кирпичную стену в трёх шагах от мамы и меня. Попади тот лист в нас — нам бы несдобровать, а то и вовсе бы покалечил. Но мама, казалось, и тут ничего не заметила, она быстро шла в своих коричневых калошах с зелёными утятами на носу.

— Не отставай, — раздражённо говорила она. — Что ты плетёшься? Дай руку!

Она резко схватила мою руку и потащила за собой. Я вынужден был прибавить шаг, но и тогда поспевал с трудом. Мама была напряжена, её гнали вперёд мысли, о которых я ничего не знал. Она так сильно сжимала мою руку, что я вскрикивал. Она ослабляла хватку на несколько секунд, а потом, забываясь, сдавливала руку ещё сильнее. Было больно.

На улицах не было ни машин, ни мотоциклов, ни одного живого существа, как будто мы с мамой остались одни на всём свете. Время от времени сверкала молния, а перед моим взором мелькали острые камешки, ржавый гвоздь, пуговица от мундира, остатки лопнувшего шарика, а на обочине дороги, в траве я разглядел спрятавшихся муравьев. Ветер с деревьев отламывал крупные ветки, где-то лежали оборванные провода, сорванные антенны, поваленные изгороди — буря ревела всё яростнее.

Мы пошли коротким путём — через больницу — и оказались у парка. Дом пионеров, где отец подрабатывал сторожем, находился на противоположной стороне. «Неужели мы войдём в парк?» — подумал я со страхом. Парк пугающе зиял, растворив очертания деревьев. Слышно было, как там, в глубине, они стонали от боли, будто кричали человеческими голосами. Ветер срывал с них листья. В восемь лет мне и впрямь деревья представлялись живыми, тем более, в такую необычную ночь.

В парк мы вошли сходу, не мешкая даже у калитки. Не смутило маму и повалившееся в тот момент дерево у боковой грунтовой аллеи. Мы пошли по широкой асфальтовой аллее, обсаженной с двух сторон тесными рядами каштана и липы. Я их хорошо знал, потому что парк граничил с нашей школой, и мы часто здесь играли. Но в ту ночь я парк не узнавал. Мне чудилось, что деревья склоняются из стороны в сторону только лишь для того, чтобы схватить нас, чтобы утащить в густые заросли. Теперь я шёл быстро, иногда опережая маму и стараясь к ней прижаться.

Вскоре мы миновали летний кинотеатр и подошли к месту работы отца. Здание это чернело на огороженном штакетником участке, оно было погружено во мрак, так же, как склад и котельная. И — кругом ни единого источника света, ни зажжённой в окне свечки, ни фонарика, который отец держал во время дежурства при себе.

Мама дёрнула входную дверь, — разумеется, она была заперта, — а потом стала стучать в неё, насколько было силы в её слабой руке. Но отец двери не открыл. Гул стоял такой, что внутри наверняка не были слышны её слабые удары. Так, вероятно, подумала и мама, потому что она пошла вокруг стучать по всем окнам подряд. Но и тогда отец не отозвался.

Я чувствовал, что в глазах мамы собираются слезы, мне было очень её жаль. Но я в то же время не хотел, чтобы она встретилась с отцом. Я тогда не понимал, что

между ними происходило, но точно знал, что ничего хорошего не выйдет, если он отроет дверь.

Мама повторно обошла здание, стуча по окнам, и вернулась к входной двери. Она сильно прижала меня к себе, и так мы простояли несколько минут. Холодные на ветру её слезы падали мне на шею и катились по вздрагивающей разгорячённой спине.

Мы возвращались домой по тому же пути, но страха у меня уже не было. Я думал только об одном: скорее добраться до тёплой постели и заснуть. А когда мы проходили парк и, в очередной раз, сверкнула молния, я отчётливо разглядел деревья, почувствовав какое-то с ними родство, открыв в них такую же, как у меня, испуганную и трепетную душу.

На улицах стоял гул: из свиста ветра, шума листвы, воя электропроводов, резкого скрипа шифера и черепиц, падающих с крыш домов, флигелей и сараев. На одном из перекрёстков мама остановилась и велела мне идти вперёд. Я перешёл дорогу и повернулся. Я увидел, как мама что-то достала из накладного кармана кофты, уронила перед собой и, словно сожалея о своём поступке, осторожно наступила. Но затем стала над тем предметом крутить ногою все увереннее и с большим нажимом. Так она стояла, наверное, минут пять, а то и больше, пока я не позвал её. Казалось, только тогда мама вспомнила обо мне. Она пошла ко мне неторопливым шагом. И могла бы показаться совершенно спокойной, если бы не прерывистое дыхание, какое бывает у детей, когда, наплакавшись, они долго ещё вздрагивают, не умея остановиться.

Зайдя в дом, мы обнаружили в моей комнате разбитую банку. На мокром полу лежали ветки сирени с осколками стекла, похожими на льдинки. Мама, не проронив ни слова, быстро всё прибрала и пошла к себе. Я, не думая ни о чем, лёг и сейчас же уснул.

Странно — вот что значит ребёнок, — я вспомнил об этом случае не на другой день, ни через год, а только спустя тридцать один год, в последний день моего отца. Врач попросил его, исполосованного операцией, повернуться на другой бок. Он, силясь выполнить его просьбу, поднял руку и попытался ухватиться за какие-нибудь поручни, которые предполагались над кроватью больного. Отец несколько раз хватал ослабевшей рукой воздух, а мы стояли оцепеневшие, не пытаясь ему помочь. Это длилось всего несколько коротких секунд, но их было достаточно, чтобы казнить себя за оплошность всю оставшуюся жизнь. Ни я, ни доктор, ни медсестра — мы не сразу ему помогли.

Именно в эти несколько секунд я и вспомнил наш ночной поход на работу отца. Ещё вспомнил давние разговоры о каком-то серебряном брегете, женских часах, которые якобы мама потеряла на какой-то свадьбе, и это было предметом нескончаемых над ней насмешек. «Эх ты, — говорил отец, — сняли с руки, подумать только! Хотя, скорее всего, сама по ротозейству обронила. А кто-то подобрал. Разве сознаётся теперь? Да никогда в жизни! Такую вещь заполучил!». Мама при этом смущённо грустнела...

Эти часы отцу предложили взамен недостающей суммы за какой-то артельный товар, который он возил в закавказские республики. Он долгое время работал водителем автолавки на дальних рейсах. Почему он согласился взять такую дорогую вещь при довольно скромном их существовании? Наверное, хотел обрадовать жену ценным подарком — швейцарскими часами? Кто в те времена оценил бы их в рабочем посёлке на руке моей мамы, которая всегда стремилась быть неприметной? Какое движение души двигало отцом?

Неужели до рождения нас, их детей, в них жила настоящая любовь? Если да, то какая она была в своём проявлении? И кто сделал тот ночной звонок, навсегда вселив сомнение в мою мать, а в отца недоумение, когда он почувствовал её отчуждённость?

Как свести воедино тяжёлый шлейф воспоминаний и отыскать в них хоть какой-нибудь островок счастья, который позволил бы им прожить вместе до конца своих жизней?

Но ничего не связывается и не отыскивается этот островок — за кладбищенской оградой недалеко друг от друга стоят две скромные могилки. И теперь, по окончанию их земной жизни, я напрасно силюсь восстановить чувственные миры отца и матери, так мне сейчас необходимые. Где-то я заблудился и пошёл по дороге, мне не предназначенной. В том месте я был отлучён от лона счастья и навсегда потерял скупые сведения о земной любви. Я перестал получать силу, которая должна была меня привести к сокровенным тайнам вселенной. И как же долго я искал свой потерянный рай, как сиротски грелся у людских сердец в надежде, что их откроют и меня приютят, с какой наивностью я подносил к чужим очагам небесный жар своей души.

Мне бы вернуться к истокам, отмерить заново пройденный путь, с каждым шагом неутолимо впитывая родительскую любовь, с которой они впервые поставили меня на землю. Я вновь и вновь прокручиваю заезженную историю своей жизни, но всякий раз на этом месте мой счастливый круглый мир трескается и осыпается ледяными осколками...

От редакции. Амиру Макоеву (Макоеву Весмиру Леонидовичу), прозаику из Кабардино-Балкарии, члену Союза писателей России, исполнилось 60 лет. Редакция литературного журнала «Аргатамек. Татарстан» сердечно поздравляет нашего постоянного автора с творческим совершеннолетием, желает ему кавказского здоровья и долголетия.

